

Владимир Алексеевич Куприенко родился в 1952 на приiske Октябрьском Зейского района Амурской области, окончил истфил Благовещенского пединститута и отделение журналистики Хабаровской высшей партийной школы. Работал на золотых приисках, в мостостроительной бригаде на БАМе, журналистом в ряде газет. С 1994 по 1997 руководил пресс-службой администрации Амурской области. Был главным редактором амурского приложения к газете «АиФ — Дальний Восток», собственным корреспондентом Дальневосточного бюро международного сообщества журналистов-аналитиков и политологов. В настоящее время В. Куприенко — главный редактор издательского дома «Амурский пресс-клуб». Член Союза писателей России. Автор одиннадцати сборников художественной прозы.



Рассказ

Птица их мечты

Юноша Вавилов прочитал повесть и «умер». Повесть та называлась «Птица капитана Росса», а написал её геолог-романтик Куваев.

Олег Куваев написал и потёр руки от удовольствия, а Ромка Вавилов (лет так сто спустя или гораздо меньше) прочитал, задохнулся от восхищения и «умер». Впрочем, кто ж от восхищения умирает, от восхищения только сердце замирает на несколько секунд и душа поёт. И у Ромки сердце замерло и душа запела, но в следующие минуты душа его скукожилась, и юноша Вавилов исчез.

Исчез Вавилов-мечтатель, витающий в небесных хлябях, но появился Вавилов-прагматик, озабоченный конкретной целью: увидеть птицу капитана Росса — розовую чайку Заполярья.

На этом многие обломились. Уж кто только не хотел увидеть эту птицу, и даже пытался. Вот и автор этого повествования в том числе. Уж так горел, так горел, чуть ли не до испепеления. Но! Желаемое и действительное в нашем государстве большей частью полярны. Особенно сейчас, особенно для нищих романтиков. Если раньше, ещё в советские времена, эту мечту можно было исполнить махом, лишь зайдя в обком, горком или райком КПСС (расшифровывать не стану, вредный я сегодня, заберитесь в интернетовский поисковик — и всё узнаете).

Ну, к примеру, живёшь ты в маленьком городишке Светлопольске. Вчера прочитал Куваева и сразу заболел розовой чайкой. Утром встал, умылся, съел чашку пшёнки на молоке и пошёл в горком партии к заворгу Семёнову. Заворг — заведующий организационным отделом, правая рука первого секретаря. Доступно объяснил? Вот и славненько, движемся дальше. Значит, пришёл

ты к заворгу Семёнову Валерию Андреевичу, а тебе говорят: мол, все на планёрке у первого секретаря, приходите через два часа, а лучше после обеда. И что? Да ничего! Сказано после обеда — значит, после обеда, это ж всё-таки горком партии, а партия что? Партия — наш рулевой, знать надо!

Приходишь после обеда, нагло открываешь дверь организационного отдела, видишь там Валеру Семёнова, и счастье опускается на твои плечи. Потому что ты знаешь, что Валерий Андреевич непременно поможет, для него это, может быть, минутное дело. И (о благословенные времена Советов!) Семёнов за пять минут (ну ладно, за десять, максимум за пятнадцать) всё решает. Он звонит в орготдел Якутского горкома партии и кричит: «Гаврилов! Гаврилов, мать твою, ты ещё жив?! Ну, молодец, пора уже водочки попить, золотой мой, совершенно алмазный и бриллиантовый человек! Что звоню? Так по делу, естественно, без дела ты мне и на крен не нужен. У нас тут печаль, корреспондент местной газеты Куваева начитался и желает срочно видеть розовую чайку. Совсем башка съехала. Ну! Ту самую, что ты мне в Чокурдах показывал! Во дела, да? Нам бы его проблемы! И чё? Гнать его к тебе? Ну и ладушки, загоним! До встречи, милчек!»

Все слышали? Это называется — начало и конец проблемы. И пяти минут не прошло. Семёнов говорит тебе: «Значит, так, дорогой! Завтра на Якутск идёт транспортный борт. Там всё просто, там командиром тёзка мой Валера Ломакин. Скажешь — от Семёнова. В Якутске тебя встретит мой коллега из горкома Коля Гаврилов и посадит на транспортник до Чокурдаха. В посёлке найдёшь директора музыкальной

школы Жору Клошинского, он всё устроит. Дерзай! Привет пишущей братии. Люблю, целую, Семёнов».

И нет проблемы. Ни малейшей. Сумочку собрал, фотик зарядил, пару чистых блокнотов и пару самописок в штормовку засунул — и вперёд! Что-что? Ты завтра не можешь, завтра газетный день? И послезавтра не можешь, и через месяц?! Да ты что?! Какая жалость! Так какого чёрта ты поперся к Семёнову, розовочаечник ты наш?! Ах, ты хотел убедиться, что поход за чайкой — дело вполне реальное и почти что плёвое? Убедился? Ну, молодца! Ах, молодца! Убедился! Вот и хорошо, а теперь зайти в ресторанчик через дорогу, закажи сто пятьдесят беленькой и гуляш. Выпей, закуси, а потом закури и подумай: не дурак ли ты? Тебе розовую чайку почти на блюдечке, а ты...

Это, напомню, Страна Советов, легендарные семидесятые-восьмидесятые прошлого столетия. Это там. А здесь и сейчас.... Эх, здесь и сейчас в легендарные двухтысячные.... Тут — «попа полна карасей», как говорит мой друг и крёстный сын Иван Ковалёнок. Интересный образ — попа, полная карасей или ещё какой рыбы (только не голубого марлина, тот в человеческую попу не влезет, у него самый малый вес за сотню килограммов). У друга моего Ваньки всегда всё интересно, он так устроен. Когда неинтересно, он болеет. Как заболит-заболеет — только успевай уворачиваться! Вот родители и успевают. Но это не страшно, это возрастное. Дурь из Ивана скоро выйдет, а толк останется, он непременно будет толковым мужиком, потому как генный код у Ваньки крепкий. Родители его — друг мой Костя и друг мой Ирина — умники и умницы и вообще классные ребята!

Но что-то мы отползли от основной темы — розовая чайка нас интересует, а через неё — юноша Вавилов. Проснувшийся в нём прагматик развил бурную деятельность. Для начала он забрался в Интернет и оттуда выкопал информацию, что розовая чайка — это «птица из отряда ржанкообразных семейства чайковых. Статус — третья категория. Узкоареальный, на Камчатке малочисленный вид, регулярно встречающийся на миграциях и зимовке. Область регулярного гнездования охватывает преимущественно субарктические материковые тундры и местами лесотундры Восточной Сибири от дельты реки Лены до Чаунской низменности. В Камчатском регионе встречается во время сезонных миграций и зимовки в открытых водах Берингова, Охотского морей и Тихого океана, регулярно посещает морские побережья и залетает по руслам рек вглубь суши.

Внешний облик. Мелкая чайка изящного телосложения. Длина тела составляет в среднем 34 см, размах крыльев — 84 см. Оперение в основном белое с розовым оттенком, мантия и крылья светло-сизые. Вокруг шеи узкая чёрная полоса. Хвост характерной клиновидной формы. Клюв чёрный. Ноги красные. Зимой розовый цвет выражен слабее, чёрный ошейник отсутствует, в области уха тёмное пятно. У молодой птицы мантия в гнездовом наряде черновато-бурая, в первом зимнем — бледно-серая. На верхней стороне крыльев тёмные зигзагообразные полосы, образующие букву «М». Хвост клиновидный, белого цвета с чёрным пятном на вершине. К первому лету жизни оперение становится розоватым, хвост чисто-белым, на шее формируется чёрное «ожерелье». Окончательный взрослый наряд надевает в двухлетнем возрасте.

Места обитания и образ жизни. Гнездится в озёрно-болотных низинах небольшими разрежёнными колониями или отдельными парами. Начинает регулярно размножаться в возрасте 3–4 лет. В кладке 1–3 яйца. Длительность сезона гнездования составляет всего около 2 месяцев. Насиживание продолжается 19–20 суток, но при значительных похолоданиях затягивается до 28 суток. Птенцы становятся лётными в возрасте 18–20 дней, после чего вскоре покидают тундру, откочёвывая в акватории северных морей. Продвигаясь на восток, птицы проникают в Берингово море. Вероятно, это происходит в основном в ноябре-декабре, хотя первые чайки отмечались здесь уже в конце сентября. Спускаясь на юг вдоль восточного побережья Камчатки, во второй половине зимы они попадают через Курильские проливы в Охотское море. Есть основания предполагать, что часть птиц залетает сюда ещё в самом начале зимы напрямую из Карагинского залива в залив Шелихова. Во время зимовки держится рассредоточенно недалеко от кромки льдов или в разводьях и обычно избегает как сплошных ледовых полей, так и чистой воды вдали от льдов. В зимне-весенний период розовые чайки регулярно посещают побережья и внутренние районы Камчатки и Командорских островов. Активный весенний пролёт в прикамчатских водах Берингова моря наблюдали в мае — начале июня. Достигнув Карагинского и Алюторского заливов, птицы либо поворачивают на северо-запад и летят к районам гнездования напрямую над сушей, либо продолжают подниматься до Анадырского залива, после чего поворачивают в долину р. Анадырь. В летнее время питается в основном водными и наземными насекомыми, ракообразными и моллюсками. В море кормится рыбой и различными беспозвоночными.

Численность и лимитирующие факторы. Экспертная оценка численности репродуктив-

ной части мировой популяции составляет не менее 50 тыс. пар, исходя из чего общая численность вида может составлять 150–200 тыс. особей. Учитывая широкое распространение и обычность розовой чайки в Беринговом и Охотском морях в зимне-весенний период, предполагается, что здесь проводит зиму значительная часть её популяции. Конкретных обоснованных заключений о численности в Камчатском регионе нет. В целом вид довольно обычен в прикамчатских водах, особенно во время весенней миграции. Так, 27 мая 1971 г. стаю из 87 особей наблюдали в проливе Литке. В период с 10 по 13 мая 1991 г. с борта судна, прошедшего около 150 миль между Озёрным и Камчатским полуостровами, насчитали 360–410 чаек. С 23 мая по 7 июня 1997 г. с рыболовного судна, работавшего в южной части Командорской котловины, было учтено около 400 пролётных птиц. На осенней миграции розовых чаек наблюдали 6 декабря 2003 г. в районе м. Говена, где с борта судна насчитали 27 птиц, пролетевших стайками по 2–8 особей в южном направлении. На Охотоморском побережье самое крупное скопление чаек (не менее 200 особей) наблюдали 6 июня 1982 г. в нижнем течении р. Тигиль. Состояние вида в значительной мере определяется метеорологическими условиями весны и влиянием хищников на местах гнездования. Факторы, негативно воздействующие в период миграций и зимовки, не изучены.

Принятые и необходимые меры охраны. Занесена в Приложение 3 Красной книги Российской Федерации, Красную книгу Севера Дальнего Востока России, Приложение двухстороннего соглашения, заключённого Россией с США об охране мигрирующих птиц».

Проглотив информацию, юноша Вавилов попытался выстроить уже известную нам транспортную схему: Светлопольск — Якутск — Чокурдах. На эту схему он вышел через того самого корреспондента, который мечтал увидеть розовую чайку, но так и не добрался до неё. Кстати, он до сих пор мечтает, хоть ему уже давно за шестьдесят. Какая между ними связь? Так тут всё просто: юноша Вавилов — внук того самого корреспондента. Самый что ни на есть родной внучек. И Куваева внуку подсунул дед. Экий мерзавец, а? Жил парнишка, жил не тужил, учился в школе, в футбол и хоккей молотил, аж шум стоял, путешествовал по мере возможностей. Правда, с возможностями слабовато, из них (возможностей) только зарплата мамы, пенсия деда да случайные заработки: машины помыть, овощи-фрукты разгрузить, волонтером за небольшие денежки побыть.

А что папа, вы спрашиваете? Так нет папы. И не было никогда. Зачат был Рома Вавилов в яркой любовной, но очень короткой связи (ночь в гостинице «Аэросервис», что в аэропорту Домодедово города Москвы) и родился беспаянным ребёнком в славном, очень тихом городке Светлопольске. И бабушки у Ромы нет, она, светлая ей память, Вера Андреевна Вавилова, уже четыре года как перекочевала в мир иной.

Это к вопросу о возможностях. Чтоб всё и сразу встало на свои места. Некий пазл «Светлопольск — Якутск — Чокурдах» легко складывался в досточтимые советские времена и очень сложно — во времена нынешней российской демократии. Во-первых, транспортные самолёты из Светлопольска в Якутск уже давным-давно не летают. Они перебазировались на Энский военный аэродром (название даже под пыткой не назову! А может, назову, если иголки под ногти...), куда юноше Вавилову не попасть по определению. Во-вторых, любое аэродвижение в сторону столицы Саха Республики стоит сегодня немалых денег, которых у Ромки нет. Наконец, в-третьих, никто не пустит четырнадцатилетнего пацана в такое сложное и даже опасное путешествие.

Осознавая весь этот далеко не джентльменский набор обстоятельств, юноша Вавилов подошёл к деду и спросил:

— Старый, ты бы мог устроить меня на лето поработать? Куда-нибудь, где требуется неквалифицированная рабсила?

Дед-журналист озабоченно почесал затылок. Куда? Никому не нужны проблемы с несовершеннолетним детинушкой. Дать бы Ромке денег на его экспедицию, ведь праведное дело, но нельзя. Не потому что денег нет: можно по сусекам поскрести да у верных друзей-золотодобытчиков попросить — не откажут. Но так не надо: парень настроен самостоятельно заработать — вот в чём праведная суть. Самостоятельно! У Вавиловых так всегда было и должно так оставаться в их фамилии.

И что? Предложить работу не можешь, красотей про семейную самостоятельность и независимость напустил, а парню-то от этого ни на грошик не легче. Чеши, дед, свой затылок дальше, чеши эффективнее. Сам всегда говоришь, что безвыходных ситуаций не бывает.

Приобнял дед внука:

— Ничё, Ром, покумекаем вместе и непременно пробьёмся. Перво-наперво надо нам с тобой прикинуть и посчитать, сколько потребуется денег. На всё про всё. Дорога, проживание, питание. Из расчёта на двоих. Да, моншер, на двоих. Постараюсь подлатать своё полудохлое здоровьишко и отправиться с тобой на поиски легендарной птицы.

Сильно удивился внук:

— Старче, ты чё? У тебя ж давление! Ты ж уже на «Боингах» летать не желаешь, а тут транспортник. Не огорчай юношу на заре его трудных жизненных начинаний, лучше расскажи, глядя честно в глаза, как ты профукал розовую чайку. Трижды в Заполярье был, а?

— Ну как ты, маленький мерзавец, разговариваешь со стародряхлым дедом? Профу-у-у-кал. Как же... Надо говорить честно: просрал! А то — профу-у-у-кал. Размазня какая-то. Так и спроси — по-мужски, глядя в глаза.

— Заметь, друг мой, не я первый произнёс это бранное слово. Ты! Ты, который всю жизнь борется за чистоту языка. Но если, старче, ты требуешь... Скажи мне, как, будучи несколько раз в Заполярье, совсем рядом с желанной птицей, ты просрал розовую чайку? Честно, глядя в глаза!

— Честно? И в глаза? Если честно, то это очень простой и одновременно очень сложный вопрос. Мне стыдно отвечать на него, но ... Я был в том месте, где обитает розовая чайка, парень. Я был в том месте, но так и не увидел её. Спросишь почему?

— Вот именно, почему?

— Потому что в ту пору я сильно злоупотреблял алкоголем. Я дважды прилетал в Чокурдах, и дважды мы надирались в стельку.

— Это как?

— В стельку — это в стельку. Это вусмерть. Это до беспамятства. Это...

— Ты мог так напиться?! Старче, но ведь ты совсем не пьёшь...

— Да, сейчас я не пью. Я прекратил это безобразие в тот день, когда ты появился на свет. Нет, в тот день мы с друзьями крепко обмыли твоё рождение, а наутро я завязал. То есть прекратил употреблять алкоголь. Я не давал обет, я не клялся и не божился, просто бросил раз и навсегда. Потому что понял: с появлением этого, пока страшненького, похожего на крохотную обезьянку, создания великая ответственность ложится на меня — и только на меня. Уловил мысль, отпрыск?

— Я знаю это, дед. Но совершенно не знал, что ты когда-то сильно выпивал.

— Выпивать сильно невозможно, Роман, сильно можно пить, и я это делал, а Вера, твоя бабушка и моя верная соратница, многие годы терпела это откровенное свинство.

— Ну, ты даёшь, старый алкаш!

— Полегче, полегче на поворотах, новый неалкаш. Наши дальнейшие действия, парень? Мне интересен процесс соображаловки в твоей пустовато-светлой башке...

— Хочешь свалить с темы, приятель? Сделал вид, что совершенно забыл вопрос о том, как ты прокакал розовую чайку, старче?

— Я не мог прокакать, я просто просрал. По эмоционально-психологическим затратам твой

глагол не раскрывает полноту ощущений. А на вопрос я ответил: чайку увидеть не смог, потому что по приезде в Чокурдах напивался в стельку под предводительством Жоры Клошинского, утром похмелялся на второй бок и сваливался замертво, а на третий день с дурной головой, не помня даже цели приезда, улетал. Ещё вопросы будут?

— Один. Уважаемый журналист Евгений Георгиевич Клошинский...

— Это сын Жоры. Умнейший и эрудированный человек. Достойный сын своего отца! Чего, увы, не скажешь о тебе, дорогой мой путешественник.

— У меня ещё всё впереди, я обязательно стану достойным сыном и внуком своего деда!

Очень мне нравится этот «золотой дуэт». Серёга Вавилов слепил из своего внука толкового мужика: спортивного, рукастого и при этом интеллигентного и уже в должной степени эрудированного. И ещё... Крепче дружбы, чем у них, я не знаю.

Не помню дня, чтобы видел Серёгу Вавилова без внука. Они всегда вместе. В редакцию забежишь — Ромка в кабинете у деда читает энциклопедический словарь. На рыбалку, на охоту — Ромка всегда тут, сын нашего полка. В баню или пульку в преферанс — Ромка на равных. Полагаю, что сегодня четырнадцатилетний юнош Роман Вавилов составит головную боль серьёзным преферансистам. Мне кажется, и я в этом практически не сомневаюсь, если бы эти парни (дед с внуком) решили «срубить» серьёзных денег, то преф бы очень им помог. Но Серёга на это никогда не пойдёт, вот в чём загвоздка.

Я примерно могу предположить, что делает Вавилов-старший. Он отправит Вавилова-младшего на заработки к старателям, в артель своего друга, знаменитого золотодобытчика Гавра — Валерия Игоревича Гаврисевича. Слышали о таком? Да вы что, ребята... Артель «Тукурингра»! Знаменитая на весь Союз Советских Социалистических Республик! Самая мощно-показательная! Гаврисевич первым среди старателей ввёл в своей артели «сухой закон». У него всегда дисциплина железная и артельные пашут «будьте нате» (выражение из старательских).

Нет, вы правда не слышали о Гаврисевиче? Ну, вы даёте! А мне довелось, я там, в «Тукурингре», был, мёд-пиво пил, по усам текло, но и в рот попало (на банкете по случаю окончания очередного сезона) достаточно. А Серёга в «Тукурингре» работал и книгу об артели написал. Отвечаю!

Сейчас команда Гаврисевича работает где-то за Чильчи, на рудном месторождении золота.

Спецы говорят, что там самые мощные запасы по нынешним временам. Знамо дело, Гавр где попало и как попало не работает. Вот я и думаю: а не отправит ли Серый своего внука к Гаврисевичу?

— Дед, так как насчёт подзаработать? Июнь — июль вкалывать, а в августе — в Заполярье.

— Оно б неплохо и не хило, касатик, но — где? Малолетка ты, вот в чём проблема. Сейчас комиссии по труду за этим сильно следят и такие штрафы за малолеток впуливают! Будем думать, сынок, будем шевелить мозгой...

— Вавилыч, а может, на преф подсядем? Мы с тобой толковые игроки, тебе любой скажет. Пять заходов — и мы в шоколаде. Нанимаем чартер — и вперёд.

— Вот трепло, а! В кого ты такое трепло, Романя? Пре-е-еф, в шокола-а-а-де... Куда бы деться! Пойди, выбей сопель из носа в унитаз и успокойся, толковый игрок. Уйди с глаз моих!

— Ну ладно, Вавилыч, чё ты. Прозвучала шутка, всем понравилась, зацени и ты.

— Шутка удалась, ты победил...

— Дед, а если... Только не кричи...

— Ну? Смелее, покоритель Заполярья, давай, добивай старого бойца.

— Ты знаешь... Я подумал...

— Короче!

— А что, если к Гавру?

— К Гавру?! К нему — оно, конечно б, хорошо, оно денежно, но к нему ещё попасть надо. Это — во-вторых. А во-первых — опять наружу ваша малая летность, золотиодобытчик вы наш. Оно Гаврисевичу надо? В-третьих, даже если Валерий Игоревич согласится — в каком качестве ты будешь вкалывать по двенадцать часов в сутки? А? Ответь мне честно и иди с Богом. Умываться, чистить зубы, писать, напяливать пижамку — и в койку!

— Да, сэр. Хорошо, сэр. Морда, зубы, моча, пижама, койка, сэр. Но я вас прошу, сэр, подумайте трезво и взвешенно над моим предложением. Умоляю почти что коленопреклонённо, сэр...

Вавилов-старший уже думал об этом. Он понимал, что реальная работа для Ромки — это Гаврисевич. Только у него. Вавилов-старший знал технологическую цепочку работы золотиодобывающей артели в деталях. В каком-то далёком-предалёком году (а на самом-то деле в совсем-совсем близком 1991-м) это было. В марте начался заезд в артель. Сначала подтягивались бульдозеристы на вскрышу, при них уже сутились повар и завхоз (в миру — шнырь). Начинался очередной сезон знаменитой «Тукурингры», и

приход журналиста был вполне ожидаем, а тем более — Сергея Вавилова, который давно приятельствовал с Гаврисевичем.

Вавилов пришёл на базу артели, предварительно позвонив, задал свои вопросы и, расправившись с первым этапом интервью, они традиционно засели с Гаврисевичем в «заднике» его кабинета. «Давай на полчаса», — предложил Председатель. «Годится», — согласился Журналист. Полчасик превратился в часик, а потом и в «двасик», они пили кофе, интенсивно заполняли пепельницу окурками, Гавр говорил, а Вавилыч слушал. Он умел слушать профессионально, но Гаврисевича слушал душой. Было что послушать. И в этот раз, пожимая на прощанье руку Председателю, Журналист предложил: «А давай-ка, моншер, напишем книгу о тебе и твоей артели. Ты как?» Гаврисевич улыбнулся: «Так я обеими руками — за. А что, проедем по участкам, поговоришь с артельными, поснимаешь...» Вавилов укоризненно покачал головой: «Ты не понял, Валерий Игоревич, я не об очерке говорю, я — о книге».

Так Вавилов отчаянно ввалился в «Тукурингру» в качестве для себя необычном — работяги. Работяги! Он не созерцал, он вкалывал, как все, по двенадцать часов. По две недели на каждом участке. Он прочувствовал всё, пропустил через свои руки, мозги и нервы весь процесс. Стоял за монитором, тряся в бульдозере, стирал, топил баню, чистил туалеты, помогал повару, собирал грибы и ягоды, выносил из тайги мясо (помогал штатному охотнику) и с жадностью школяра-первоклассника впитывал в себя любую информацию. А потом засел за книгу и махом выстрелил, потому что был готов (вооружён и очень опасен для потенциальных издателей).

Вавилов-старший выстроил схему и посчитал (примерно) расходы. Значит, так, сказал он себе любимому. Нам с Ромкой надо во что бы то ни стало воткнуться в артель Гаврисевича в качестве шныря. Вдвоём на одну ставку. Денег на Заполярье надо тысяч семьдесят, чтоб без страха и упрёка, чтоб не кланчить, а повелевать. Таковую сумму заработать у Гаврисевича за два месяца можно. Но этот вариант удобен только нам — романтическим придуркам Вавиловым. Отработали два месяца — и на крыло, а Гавр остался без шныря до конца сезона. Значит, что? Значит, надо тянуть лямку весь сезон, заработать денег, спрятать их в кубышку, а на следующий год рвануть в Заполярье. Вариант? Вариант. Только дотянешь ли ты, Серёга, со своим полудохлым мотором и скачкообразным давлением, до следующего года? Вопрос, ко-

нечно, интересный. И ещё вопрос: а сможешь ты вытянуть сезон шнырём? Ведь это адская работа. Ответ однозначный: да. Потому что других вариантов нет. Вкалывать в основном придётся Ромке, а он вкалывать умеет. Упрётся рогом и пойдёт. Весь в кого? В тебя, Вавилов. В тебя. Тогда что? Тогда звоню Гаврисевичу. На календаре январь, до начала сезона два месяца, можно уже «забросить удочку». А пока нужно всё обсудить с Ромкой.

— Роман Мефодьич!

— Пафнутьич я, сколько можно повторять! Чего надо, Сергей Селивёрстыч?

— Так Силантьич я, ежели что. Силантьич! А надо мне поговорить с вами, уважаемый. Причём безотлагательно и безвозмездно.

— Дед, ну хватит прикалываться. Я чувствую: разговор серьёзный намечается?

— Очень. Сначала информация, а потом вопросы. Годится?

— Вполне.

— Значит, так. К вопросу о предстоящей совместной экспедиции в Заполярье. Предлагается вариант...

Вавилов-старший высказывает свои соображения, а Вавилов-младший с лёту ловит и весело кивает головой. Да, дед! Конечно, дед! Без вопросов, дед! Да для моряков это пыль, старче! Меня это устраивает в высшей степени, дед! С тобой, парнишка с седой башкой, я хоть на край света, ты ж знаешь! А ты выдержишь? Ты сам-то выдержишь, дед?!

— Так это ж не ваше собачачье дело, милчек. Правда?

— Так, конечно же, уважаемый! Не с нашим свиным рылом в ваш калашный ряд!

— Если соглашение достигнуто и решение принято, звоним Гаврисевичу. Звоним, прямо в сей час. Так-с и вот так-с. Номер набран, громкая связь включена, вызов пошёл. Валерий Игоревич! Здравствуй, старый монитор!

— И тебе не хворать, ржавое перо. Рад тебя слышать, Серёжа, чертовски рад!

— Мы тут вдвоём, с Ромкой мы тут. Не возражаешь?

— Нет, конечно! Но, знай, тебе повезло, а то бы я тебя выматерил с любовью.

— Так за счастье! Роман уже вполне зрелый отрок и до «по матери» охоч. Но не злоупотребляет.

Ромка склоняется к деду:

— Дядь Валер, привет тебе от пола до потолка! Как здоровье самочувственное?

— Так как всегда — хрен вам в пятку!

— Миллион согласий!

— А чего это вы спозаранку зазвенели, колокольчики?

— Так это у тебя спозаранок, — перехватывает инициативу Вавилов-старший, — а у нас уже полвторого дня.

— Кто бы спорил, я воздержусь. Лучше к делу. Какую корысть имеете, касатики? Не добра же пожелать ранним утром?! Колитесь!

Вавилов-старший озвучивает проблему, Гаврисевич внимательно слушает, затем просит: «Громкость выруби, парень. Ром, ты извини, мне надо с дедом пошептаться».

Ромка, как на дипломатических переговорах, склоняет голову, пожимает деду руку и уходит в свою комнату, а мужчины продолжают разговор.

— Вавилыч, ответь мне, друг любезный, к чему такие сложности? Финансирую я вашу экспедицию без проблем и по полной программе. Ты хоть и знаешь работу шныря, но очень поверхностно представляешь нагрузки. Как физические, так и психологические. Когда ты пахал у меня на этой ниве, тебя старатели побаивались. Во-первых, друг председателя, во-вторых, журналист, в-третьих, книгу будет писать про артель, значит, нужно показать себя только с лучшей стороны. А на этот раз вам спуску не будет, так и знай, и станут вас гонять и в хвост, и в гриву. Шнырей в артели не празднуют, сам знаешь. Имеешь ли достойный ответ на здравое изложение моих мыслей, пожилой отрок?

— Мысль ваша логична и предельно ясна, о благодетель! Только в этой ситуации она непригодна. Халява нашу фамилию никак не красит. Другие варианты есть?

— Ну какие ещё варианты, Вавилыч? Какие, на хрен, варианты! Разве обязательно парня сгибать в три погибели?

— В три необязательно, а в полторы — очень даже полезно. Деньги на экспедицию мы должны, обязаны заработать. За-ра-бо-тать. Я всё сказал!

— Вот дурко упёртое!

— А ежели без оскорблений?

— Без оскорблений, без оскорблений... Без них, противных — как? Впрочем... Есть вариант! Есть малёк! Слышь, чё тебе скажу, упёртый Иа? Диспетчером я тебя, старое помело, оформлю. Во как! Будете на одну ставку на базе сутками у телефона и рации сидеть. Мало не покажется. Работа по двадцать четыре часа! Как тебе этот блестящий вариант, а? Ты же на третьи сутки сдохнешь, гипертоник мой родной!

— Я-то наверняка сдохну, тут ты прав, Валерий Игоревич, а вот Ромка... Хрен ты угадал, фартовый, мы всё выдержим. Слово даю!

— Ну, как знаешь, Вавилыч. Что-то ты меня с утра утомил. Завтра тебе перезвонят мои ка-

дровики, перешлѣшь по электронке ваши данные и... Словом, пошѣл ты лесом, Серѣга! До встречи в марте.

Но в марте они не увиделись. Не легли звѣзды. Вернее, они легли так, как захотел золотодобытчик Гаврисевич. На следующий день после разговора Вавилову и впрямь позвонили из отдела кадров артели и выспросили всё, что им требовалось. Всё до деталей. В том числе и номер счѣта банковской карты. Мол, зарплата теперь на руки не выдаѣтся, а отправляется на карту. Всё верно, никакого подвоха Вавилов-старший не почувствовал. А он был. Гавр значился большим спецом по подвохам. Через два дня позвонил заместитель Гаврисевича и менторским тоном сообщил, что на банковский счѣт Вавилова Сергея Николаевича перечислено сто тысяч рублей. Убедительная просьба в марте на базе артели не появляться. После официального сухого сообщения зам сказал: «Серый, ничего личного. Как Председатель приказал, так я и сделал. Без обид? Удачи вам с Ромкой!»

Сильно психанул Сергей Николаевич Вавилов, так сильно, что у него давление подскочило до очень опасной отметки. «Ну, Валера! Ну... Уел, думаешь?» Только он собрался звонить Гаврисевичу, дабы всё ему высказать с пролетарской ненавистью, как появилась дочь с таблетками. Клавдия Сергеевна являла собой спокойствие и разумность. С ранних лет это у неё, а может, даже с пелѣнок. Она дала отцу таблетку и попросила тихим, умиротворяющим голосом:

— Папка, давай-ка без скандалов. Валерий Игоревич звонил мне, он, как всегда, прав, а ты лев. Не осилить вам с Ромкой артельную каторгу, ей-богу. И диспетчерство не осилить, ты сам знаешь. Давай-ка спокойно оценим ситуацию и

пошлѣм Гаврисевичу телефонный земной поклон.

Умела дочь гасить «яркие импульсы» отца. И сейчас погасила. Тихо, спокойно, без эмоциональной накипи. Вздохнул Вавилов:

— И что теперь?

— Клавдия улыбнулась:

— А теперь, уважаемый Сергей Николаевич, будем не торопясь и очень тщательно готовиться к экспедиции. Не торопясь и очень тщательно. Яволь, мин херц?

И они начали готовиться. Решено было отправиться в Якутское Заполярье в конце июня, именно в это время там только-только начиналось лето. Вавилов-старший погрузился в свои записные книжки в поисках нужных телефонов и адресов, Вавилов-младший продолжил «копытить» информацию о розовой чайке и местах её пребывания в тундре, Клавдия Сергеевна тщательно выстраивала (пока в теории) схему «одевания и питания». Словом, Вавиловы начали «пахать» на благо и процветание будущей экспедиции.

Сергей Николаевич вызванивал и потихоньку формировал транспортную схему и схему движения с пунктами остановок и короткого временного пребывания в местах следования. Роман Сергеевич (отчество по имени деда) с помощью интернетовского «поиска» расширял необходимую для экспедиции информацию и готовил рыболовные снасти. Клавдия Сергеевна вязала толстые северные свитера и носки в сапоги.

Они попали в Чокурдах 28 июня в два часа после полудня. В 14.15 дед и внук Вавиловы увидели розовых чаек.

Легендарные птицы капитана Росса оголтело осваивали мусорные контейнеры возле поселковой столовой...